

Век мой белый, век мой красный,
 Весь в бореньях поседелый,
 Ты ужасный ли, прекрасный
 Или просто обалделый.

Просто душу потрепавший,
 Просто сердце простреливший...
 Брат, в чужом краю пропавший,
 Сват, в тайге сибирской сгнивший...

Кто ты мне, мой век-разбойник,
 Резких красок злой метатель?
 Прадед был кулак-раскольник,
 Дед — партийный, председатель.

Красит лист октябрь поденно
 В красный, в белый, в серебро ли...
 Красный — с конницей Буденный,
 Белый — Мамонтов, Шкуру ли...

Ты, Воронеж, в переливах
 Цвета пестр, в былое канул
 Вихрем белого прорыва,
 Маршем с красными полками.

В революцию, как в небо,
 Вместе с памятью всплываю...
 Век прошел, а мне бы, мне бы
 Примириться как — не знаю.

Ну что ты все тревожишь,
Лишая крепких снов,
Степное бездорожье —
Край дедов и отцов?

Не мальчик я, опасны
Волнений мятежи.
Что ни морщина — паспорт
С отметкою души.

Погостов тишь былинна
Вдали от автострад...
Спи, мама Агрипина!
Спи, папа Александр!

У памяти нет тлена.
Удел нам свыше дан...
Спи, бабушка Елена!
Спи, дедушка Иван!

Среди земной юдоли
Извилист путь и рван...
Спи, баба моя Поля!
Спи, дед мой Митрофан!

Не обойму, как солнце,
Околицу зрачком:
Ни даль с рекой Икорцем,
Ни близь в логу Дурном...

От отчего порога,
С метелки камыша
Парит над Красным Логом
Не время, а душа.

Они наступают — не дни, а мгновенья.
Я к ним не готов: закопался в веках,
В больших измереньях, где доблесть и страх —
Всего лишь развеванный сон вдохновенья.

Застали врасплох перед выбором здравым
Владельцы сердец, обольстители душ.
Они не играют торжественный туш,
Пиликают гнусную песню расправы.

Упрямая память скребется ногтями
В корявые наросты дат и висков...
Они наступают — я к ним не готов.
И мира, пожалуй, не будет меж нами.

* * *

Забуть того, кто был тобой,
Родиться заново по воле
Больницы с башней и трубой,
С тропой березовой вдоль поля.

Там, в прошлом, свет и красота,
Любовь, надежды, голос мамы...
А здесь — черта, черта, черта
Из четких очертаний рамы.

И все, что выхватит зрачок,
Вмиг станет жертвой перекрестья...
И память давит на висок:
Коль погибать, так только вместе.

Сличив и стыки, и слои
Времен минувших и текущих,
Скомкаешь образы свои
И в форточку — на сон грядущий.

* * *

Запросто мог бы на дно опуститься,
Бомжем на лавке лежать в подворотне,
Но твое платье в горошек из ситца
Чар колдовских во сто крат приворотней.

Как и откуда волшебные ветки
Вызрели в нежных девичьих изгибах,
Чтобы нести мои мертвые клетки
К солнцу за голую плату: спасибо!

Двор клокотал от порочных соблазнов,
Лихо вытряхивал медные гроши...
Ты выручала меня сообразно
Сказке, где вырос до неба горошек.

Время откупоришь — ортодоксальным
Страхом террора скоречатся лица.
Быть бы и мне бородатым и сальным,
Если б не платье из яркого ситца.

В жизненной драке есть повод напиться
Либо скатиться по скользкой дорожке...
Но, затревожившись, платье из ситца
Ссыплется под ноги горьким горошком.

* * *

Возвращаюсь по сумрачной рани.
Двухэтажный экспресс скор и хмур.
На туманном перроне Рязани
Две минуты всего перекур.

Затянусь — и в вагон по ступеням
К чашке чая, газете, теплу.
За Рязанью пожалует темень,
Постучавшись дождем по стеклу.

Принимая как должное морось,
С промелькнувшим в окне фонарем,
Пудобнее в кресле устроюсь,
Буду думать о чем-то своем.

До Воронежа вечером мгlistым
Рельсы сон мой в труху перетрут...
Поезд — рай для непознанных истин,
И понять их поможет маршрут.

* * *

День по ступеням, а темь по дворам...
В городе привкус времен переменных.
Юность пушинкой вчерашней к губам
Липнет на Пушкинской, возле пельменной.

Где тополя сорока сороков
В белом распыле бунтующей плоти?
Липы кругом, с их горячих листов —
Вязкая зрелость на автокапоте.

... Девушка в ситце напротив, компот
Из сухофруктов в стакане граненом, —
Так завершался студенческий год,
По уши в девушку эту влюбленным...

Давнее счастье как сытный пельмень
Стынет на столике памяти бренной.
И продают в бутике дребедень
Там же, на Пушкинской, вместо пельменной.

Там важный грач, там воробей вертлявый,
Там ветерок с небесной синевы...
Март жжет в кострах нарядец полинялый
Из ношенной в метельный век травы.

Там полдень — паренек из захолустья —
Таращится на пестрый контур дач...
Из всех искусств искусней нет искусства —
В грядущих днях не миновать удач.

Пусть там река ломает с треском льдины,
Пусть прячет тень в глухом овраге снег,
Придет пора, и с песней лебединой
Душа затеет дерзостный побег.

* * *

Дачный сюжет с виноградной лозой.
Скручены плети дымок от кострища...
Новый сезон открываем с тобой
В круговороте земной колготищи.

Радуюсь людям, галдят воробьи,
Облюбовали корявую грушу.
Что еще нужно для поздней любви?
Чем оживить зимовавшую душу?

Годы для сердца — ни рай и ни ад.
Март раздувает от важности ноздри...
Ладим к опорным прутам виноград,
Чтобы продлить себя в солнечной грозди.

* * *

Красный паук на черненой земле.
Лето в разгаре, и кровь буревая.
Солнце букашкой на пыльном стекле
Радугу чертит, лучами играя.

Что это — страсть или грусть ни о ком:
Сроки сдвигать, словно шторы из тюля,
Чтобы букашкой с красным брюшком
Ползать в веселых соцветьях июля?

Лето уйдет — ни следа, ни тепла,
Лишь сохранится от целого частью
Радуга в раме на месте стекла
С красным брюшком от паучьего счастья.